

Рамиль Гайсин

СЛЕДУЮЩИЙ

Рамиль Гайсин

Следующий

<https://litres.ru/74088523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они не знают друг друга. Пятилетний мальчик с пластмассовым мечом. Студент, у которого за ночь исчезли восемь месяцев работы. Владелец кофейни, которого топят в интернете. Философ, которого выживают с кафедры. Предприниматель, которого предал лучший друг.

Одиннадцать человек. Одиннадцать моментов, когда казалось — всё. И каждый раз рядом оказывался кто-то. Кто мог пройти мимо. Но не прошёл.

Это не истории о героях. Это истории о тех, кто оказался рядом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	18

Рамиль Гайсин

Следующий

Глава 1

Глава 1. Миша и драконы двора

Утро пахло нагретым асфальтом и чужим мороженым.

Миша стоял у края песочницы и щурился на солнце. В правой руке он сжимал пластмассовый меч — ярко-синий, с золотой рукоятью, немного облезшей у гарды. Мама говорила, что он старый и надо выбросить. Миша не выбрасывал. Потому что меч был настоящим. Просто это не каждый мог увидеть.

Двор Миша знал наизусть. Каждую трещину в плитке. Каждый куст, за которым прятались драконы, — в обычной жизни их звали Барсик, Рекс и Зефир, и принадлежали они жильцам третьего и пятого подъездов. Каждое окно, за которым жили принцессы, — в особенности одно, на втором этаже третьего подъезда, где в розовых занавесках иногда мелькала Катя. Катя была на год младше Миши и никогда не соглашалась быть принцессой. Она говорила, что хочет быть пиратом. Миша решил, что это тоже нормально. Принцессы-пираты, наверное, бывают.

Сегодня была суббота. Значит — время великих дел.

Миша торжественно вошёл в песочницу, воткнул меч в песок — чтобы всем было видно, что территория занята, — и вытащил жёлтое ведёрко и зелёный совок. Новые. Мама купила в прошлые выходные. Они блестели так, что хотелось зажмуриться.

План был грандиозный. Миша строил замок. Не просто горку из песка, а настоящий замок — с башнями, рвом и тайным ходом под левой стеной. Рыцарь без замка — это просто человек с мечом. А у рыцаря должна быть крепость.

Он набрал первое ведро. Утрамбовал. Перевернул. Поднял — и вот она, первая башня, ровная и гордая. Миша выдохнул с таким видом, словно только что водрузил флаг на вершину горы.

— Хорошо, — сказал он себе.

Рыцари всегда сами себе говорили «хорошо». Он где-то это вычитал. Или выдумал — не важно.

Он потянулся за совком, чтобы прокопать ров.

— Эй.

Голос пришёл сверху. Миша поднял голову.

Их было трое. Старшие мальчишки — лет по восемь, наверное, а может, и все девять. Огромные. Один — в красной футболке, долговязый, с чёлкой, залипшей на лбу. Двое других чуть помладше, но тоже смотрели так, будто весь двор им должен.

— Слышь, малой. Нам нужна эта песочница.

Миша обвёл взглядом замок. Потом — мальчишек. Потом

— снова замок.

— Она занята, — сказал он спокойно.

— Кем? — ухмыльнулся долговязый.

— Мной.

Долговязый переглянулся с приятелями. Те захихикали.

— Ты видел? — сказал он им. — Малышня ещё и разговаривает.

— Я не малышня, — сказал Миша. Голос немного дрогнул, но он успел его поймать. — Я рыцарь. И это мой замок.

— Рыцарь? — Долговязый шагнул в песочницу, прямо в башню. Башня рассыпалась. — Ой. Не уберётся, рыцарь.

Это было нарочно. Миша это понял сразу — по тому, как парень поставил ногу точно на середину. По улыбке.

Что-то горячее поднялось у Миши внутри — от живота к горлу. Он знал это чувство. Это было то самое, что бывает, когда несправедливо. Когда большие обижают маленьких просто потому, что могут.

— Эй! — сказал Миша.

— Чего?

— Верни. — Миша указал пальцем на своё ведёрко, которое долговязый уже держал в руках. — Это моё.

— Было твоё. — Парень подбросил ведёрко. Поймал. — А теперь наше. Нам крепость строить.

— Отдай!

Миша сделал шаг вперёд. Это был смелый шаг — он сам это понял и немного удивился себе. Его колени слегка тряс-

лись, но ноги всё равно шли.

Долговязый посмотрел на него с ленивым интересом — так смотрят на муравья, который зачем-то идёт прямо на сапог.

— Или что?

Или что.

Миша набрал в лёгкие побольше воздуха. Есть один способ, который всегда работает. По крайней мере, так он думал. Богатырский клич. Громкий. Такой, чтобы услышали во всём дворе. Чтобы вздрогнули. Чтобы поняли: тут стоит рыцарь, и просто так он не уйдёт.

— А-А-А-А!!! — закричал Миша.

Крик получился настоящий — звонкий, высокий, такой, что голуби на козырьке подъезда испуганно захлопали крыльями и разлетелись.

Долговязый моргнул.

Потом засмеялся. Тихо сначала. Потом громче. Двое других подхватили.

— Ты слышал? — сказал долговязый, вытирая слёзы. — Орёт, как в мультике!

Это было хуже, чем если бы они разозлились. Злость — это серьёзно. Смех — это когда тебя не считают за человека.

Долговязый шагнул к Мише и просто толкнул его в плечо — не больно, небрежно, как отодвигают стул. Миша пошатнулся и сел в песок.

— Иди домой, малышня. Не мешай взрослым.

Они отошли к дальнему краю песочницы, забрав ведёрко и совок. Начали что-то строить — громко переговариваясь, смеясь, будто Миши уже не существовало.

Миша сидел в песке и смотрел на свой меч.

Синий. Облезший. Пластмассовый.

Не светится.

Он понял это как-то по-новому — не так, как понимают слова, а так, как понимают что-то важное, от чего становится холодно в груди. Меч не светится. Крик не помог. Башня разрушена. А он сидит в песке, и никто даже не смотрит в его сторону.

Миша посмотрел на окно второго этажа третьего подъезда. Розовые занавески. Катя, наверное, дома. Или нет.

Он потянулся за мечом. Поднял. Сжал рукоять.

Не выбросил.

Слёзы подступили к глазам — горячие, предательские. Миша изо всех сил моргнул, чтобы удержать их. Рыцари не плачут при драконах. Такое правило.

Тень упала на песок.

Кто-то стоял рядом.

Глава 2

Тень была длинной и тонкой.

Миша поднял голову.

Рядом с песочницей стоял мальчик. Лет десяти, наверное. В очках с круглыми стёклами — одно стекло чуть треснутое, заклеенное полоской скотча. В руках — потрепанный блокнот в клетку, обложка вся в карандашных пометках и стрелках. На плече — рюкзак, из кармашка которого торчали три линейки разной длины и транспортир.

Мальчик смотрел не на Мишу. Он смотрел на жёлтое ведёрко, которое долговязый держал в руках. Смотрел долго — с таким видом, с каким обычно смотрят на задачу, написанную на доске: не сразу, но понятную.

Потом вздохнул. Негромко, но отчётливо. Как будто сам с собой договорился.

Перевёл взгляд на Мишу.

— Это твоё ведро? — спросил он.

Голос был ровный. Без жалости — и это почему-то не обидело. Просто вопрос.

— Моё, — сказал Миша. — И совок тоже.

Мальчик кивнул. Посмотрел снова на долговязого. Пожевал губу. Что-то черкнул в блокноте — быстро, не глядя на страницу. Потом поправил очки и шагнул в сторону песочницы.

Миша вскочил.

— Ты куда?

— Попробую кое-что, — сказал мальчик.

И пошёл.

Миша смотрел ему вслед. Этот в очках был ненамного старше. Тощий. Без меча. Без ничего — только блокнот и три линейки. Долговязый его сломает одним взглядом.

Но что-то в походке мальчика было такое... Он шёл так, будто уже знал, чем это закончится. Спокойно. Как будто не к хулиганам шёл, а к доске с задачкой.

Миша, не думая, побежал следом.

Долговязый заметил их, когда они подошли вплотную. Поднял голову, смерил взглядом — сначала очкарика, потом Мишу.

— Чего ещё?

Мальчик в очках чуть помялся. Почесал нос. Потом сказал — немного не в ту сторону глядя, будто разговаривал не с долговязым, а с его ухом:

— Вы крепость строите?

— Ну.

— А зачем ведро наверх поставили?

Долговязый прищурился.

— Башня это.

— А, — сказал мальчик. — Просто оно тяжёлое, а песок тут влажный. Скоро съедет. Вместе с башней.

— Не съедет.

— Может, и не съедет, — согласился мальчик, без спора, без торжества. — Но вон та стена правая уже наклонилась. Видите? Если добавите ещё — упадёт первой.

Долговязый покосился на правую стену. Один из его приятелей тоже посмотрел — и на всякий случай отодвинулся.

— И чего? — спросил долговязый, но уже не так уверенно.

— Ничего, — пожал плечами мальчик. — Просто если ведро вниз поставить, будет устойчивее. Я читал про это. Там где нагрузка — там основание должно быть, а не верхушка.

Долговязый смотрел на него. Потом на стену. Потом снова на мальчика.

В этом взгляде было что-то похожее на неловкость — как будто он хотел возразить, но не мог придумать как.

— Слушай, — сказал мальчик, и голос его стал немного тише, почти доверительно, — у меня в рюкзаке лопатка складная есть. Нормальная, не игрушечная. Отец с турпохода привёз. Да, не новая, но все же. Ею стены ровнее выходят, чем совком. Хотите — меняю на ведро и совок? Они всё

равно маленькие, вам неудобно.

Долговязый помолчал.

Посмотрел на совок в своей руке. Посмотрел на лопатку, которую мальчик уже достал из рюкзака — складную, с деревянной рукоятью, явно настоящую.

Пожал плечами.

— Ладно.

Взял лопатку. Сунул совок и ведёрко обратно — небрежно, будто они ему и не были особо нужны.

Мальчик в очках поднял ведёрко с земли, отряхнул от песка. Повернулся к Мише и протянул.

— Держи.

Миша взял. Ведёрко было тёплым от чужих рук. Родное.

— Спасибо, — сказал Миша.

Мальчик кивнул — коротко, деловито. Потом отвернулся, потому что не знал, куда деть взгляд.

Миша смотрел на него и пытался понять, что только что произошло. Никакого крика. Никакого меча. Просто слова — про ведро, про стену, про лопатку. И всё. Они отошли в сторону.

— Как ты это сделал? — спросил Миша.

— Что?

— Ну... они же вредные были. А ты поговорил — и всё.

Мальчик помолчал. Поправил очки.

— Им просто нужно было, чтобы им не уступили, а предложили что-то лучше, — сказал он. — Люди редко спорят с тем, что им выгодно.

Миша не до конца понял, но кивнул — с уважением.

— Ты умный.

— Я много читаю, — сказал мальчик. И добавил, глядя в сторону: — Это не одно и то же, наверное. Но помогает.

Он сел на край песочницы. Открыл блокнот. Стал что-то

рисовать — похоже на схему, с квадратиками и стрелками.

— Ты тут живёшь? — спросил Миша.

— Через дом.

— Тогда почему я тебя не видел?

— Я обычно дома сижу.

— Зачем?

Мальчик поднял взгляд. Посмотрел на Мишу с лёгким удивлением — будто вопрос был неожиданным.

— Думаю, — сказал он просто.

— О чём?

— Сейчас — про вечный двигатель. Но пока не получается.

Миша сел рядом. Подумал секунду.

— Я Миша.

— Коля.

Они помолчали. Во дворе было тихо — только где-то за домом гулял ветер и гнал по асфальту сухой тополиный лист.

— Коля, — сказал Миша серьёзно, — а ты умеешь делать так, чтобы вещи светились?

Коля посмотрел на него. Потом на меч.

— Есть несколько способов, — сказал он осторожно. — Светодиоды, например. Или фосфорная краска, она в темноте светится.

— Мне нужен меч, который светится, — сообщил Миша. — Настоящий.

Коля некоторое время молчал. Потом открыл новую страницу в блокноте и написал вверху: «Святящийся меч. Варианты».

— Расскажи, что именно тебе нужно, — сказал он. — Я запишу.

Миша просиял.

Солнце грело песок. Голуби вернулись на козырёк подъезда. За домом протяжно мяукнул Барсик — дракон из третьего подъезда, рыжий и вредный.

Мир снова был правильным.

Почти.

Потому что Коля писал про меч, а думал о другом. В самом низу страницы, под списком вариантов, почти случайно вывел карандашом слово — и не стал стирать.

«Украли».

Глава 3

Глава 3. Украденный чертёж

Коля вёл записи с четырёх лет.

Сначала каракули — кривые линии, которые он называл «машинами» и «мостами». Мама смеялась и вешала их на холодильник. Потом каракули стали схемами. Схемы — чертежами. Чертежи — расчётами с проверками.

Сейчас ему было десять, и у него было четыре заполненных блокнота, два недозаполненных и один новый — в твёрдой синей обложке, для самых важных идей.

Самой важной идеей был рычажный механизм.

Не простой рычаг — такому учили на уроке, это неинтересно. Коля придумал систему: составной рычаг с переменным плечом, поднимающий груз в семь раз тяжелее приложенной силы. Считал три вечера. Проверял дважды. Потом ещё раз — привычка: ты отвечаешь за то, что подписал.

В левом нижнем углу первой страницы — всегда дата и имя. Двенадцатое марта. Николай Зарецкий. Привычка с семи лет, с тех пор как прочитал про патенты.

Неделю назад на перемене Коля работал в классе — дорисовывал детали, пока все были в коридоре. Петя Самохин зашёл раньше остальных. Увидел блокнот, спросил: что это? Коля объяснил — охотно, он любил объяснять, когда человек слушал. Петя слушал внимательно, задавал вопросы, попросил посмотреть поближе.

Коля не видел, как тот достал телефон.

Не видел — потому что смотрел в окно и рассказывал про плечо рычага, и думал, что формула красивая, и не думал ни о чём плохом. Потому что не умел думать о плохом, когда говорил про физику.

Урок труда был в пятницу сдвоенным — два часа подряд, последними в расписании.

Кабинет пах деревом и олифой. Задание: придумать механизм, облегчающий ручной труд. Нарисовать, объяснить принцип.

Коля сдал первым. Положил четыре страницы на стол Константину Палычу и вернулся на место. Достал новый блокнот. Начал следующую идею — про противовесы.

Он не смотрел на Петю.

Он вообще редко смотрел по сторонам, когда думал.

Именно тогда Константин Палыч начал разбирать сданные работы вслух.

— Самохин, — сказал учитель, и голос стал тёплым. — Подойди к доске.

Петя встал. Чинно подошёл.

Константин Палыч прикрепил листы к доске.

Коля поднял взгляд — привычно, механически.

И похолодел.

Его чертежи. Все четыре страницы — его линии, его расчёты, его стрелки. Только в левом нижнем углу стояло другое имя. Пётр Самохин. Тринадцатое марта.

— Блестящая работа, — говорил Константин Палыч. — Составной рычаг с переменным плечом — это выше школьной программы. Самохин, ты меня удивил.

Петя скромно опустил голову.

Коля смотрел на доску.

В ушах зашумело. Что-то горячее поднялось от живота к лицу. Он открыл рот.

И закрыл.

Вот в чём была его беда. Не в том, что не знал что сказать — знал. Слова были готовы, точные, с датой в углу. Но стоило представить, что все повернутся и будут смотреть — что-то внутри сжималось и переставало работать.

Он ненавидел это в себе.

— Зарецкий.

Коля вздрогнул.

Константин Палыч держал его черновики — запасные страницы, которые Коля тоже сдал.

— Ты тоже рычажный механизм нарисовал?

— Да, — сказал Коля. Голос вышел тихим. — Я...

— Понятно. — Учитель положил листы, не развернув. —

Подсмотрел у Самохина и решил, что тоже сможешь? Бездарный подражатель. Учись у лучших.

Засмеялось несколько человек. Негромко, но Коля услышал каждого.

Он смотрел в парту.

Дерево старое, исцарапанное. Кто-то вырезал «МИШ+ЛЕН». Кто-то нарисовал ракету. Коля смотрел на эти царапины и пытался дышать ровно.

Двенадцатое марта, думал он. У меня написано двенадцатое. У него — тринадцатое. Разница в один день. Это доказательство. Факты работают лучше, чем слова.

Но чтобы сказать это вслух, нужно поднять голову.

А голова не поднималась.

После первого часа прозвенел звонок — промежуточный, между двумя частями сдвоенного урока. Константин Палыч объявил, что кто сдал и кому не нужны уточнения — могут идти. Несколько человек тут же вскочили и выбежали. Остальные остались — кто доделывал, кто хотел спросить про оценку.

Коля остался. Не потому что было что доделывать. Просто сидел.

Время шло. Урок продолжался вокруг него — кто-то что-то спрашивал у учителя, кто-то переписывал с доски. Коля сидел и смотрел в парту, и думал про двенадцатое марта, и чувствовал, как внутри что-то остывает и твердеет — не злость, а что-то хуже. Ощущение, что сам виноват. Что надо было не показывать блокнот. Что надо было не краснеть и говорить вслух. Что надо было быть другим.

За окном слышались голоса. Те, кто ушёл после первого звонка, стояли во дворе — смеялись, что-то обсуждали. Их слов Коля не слышал. Только смех.

Именно в этот момент открылась дверь.